

не развиваюсь, а ссыхаюсь, мускулы слабѣютъ, зубы падаютъ» и т. д.

Среди всего, что окружало его, душу тянуло къ простому, къ нелживому, точному. Жажда простого и правдиваго была очень большой и очень тоскливой. И фактъ огромнаго и потрясающаго значенія была для Толстого жизнь сѣрой мужицкой массы, эта ве-реница угрюмаго и смиреннаго люда, проходящаго мимо него по большой дорогѣ жизни, окруженнаго ровнымъ свѣжимъ воздухомъ земли. Они, эти тяжелые, эти несчастные, смиленно и грубо живущіе люди могли себѣ позволить неслыханную роскошь: быть внѣ лжи, внѣ фальши, внѣ всѣхъ этихъ путъ «шутовскаго» культурнаго мірка. Самый фактъ существованія этого сѣраго, простого міра былъ уже опорой, отрадой для души художника, который въ своей чисто художественной работѣ предвосхитилъ моментъ личной внутренней жизни, рассказалъ о томъ, какъ Платонъ Каратаевъ тѣмъ лишь однимъ, что онъ жилъ, далъ жизнь душѣ Пьера Безухого, и показавъ тѣмъ самымъ, какъ опасно отдѣлять Толстого художника отъ Толстого мыслителя.

«Я оглянулся шире вокругъ себя. Я взглянулъся въ жизнь прошедшихъ и современныхъ огромныхъ массъ людей. И я видѣлъ такихъ понявшихъ смыслъ жизни, умѣющихъ